

Михайлова Марина Юрьевна

ЖИВОПИСЦЫ, ОКУНИТЕ ВАШИ КИСТИ: ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КЛЮЧЕ

В статье характеризуется живописный художественный экфрасис на материале повестей-экфрасисов XIX в. в лингвистическом аспекте; описаны языковые средства изображения "иномирности происходящего", в числе которых - репрезентанты функционально-семантической категории невыразимого; определена роль игры на омонимии в названиях анализируемых произведений; выявлены и описаны лексико-семантические группы, раскрывающие смысл названия повести Н. Лескова "Запечатленный ангел"; показано, как Н. Лесков следует традициям М. Лермонтова в применении сходных средств выразительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 138-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Ахматов И. Х., Гузеев Ж. М. Правила орфографии и пунктуации балкарского языка. Нальчик: Нарт, 1991. 224 с.
2. Егоров В. Г. Словообразование в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 95-106.
3. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974. 349 с.
4. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 744 с.

SOME ISSUES OF COMPILING "RUSSIAN-KARACHAY-BALKAR DICTIONARY»

Makhieva Lyudmila Khamangerievna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
lyudmila.makhieva@mail.ru

The article reveals the issues of compiling a new "Russian-Karachay-Balkar language". The translation dictionary of 1965 of the language under study is analyzed, shortcomings in the design of dictionary entries, in particular, in translations, are observed. The author focuses her attention on the need to supplement the existing glossary, improvement of dictionary entries for the new dictionary.

Key words and phrases: lexicography; dictionary; word list; word semantics; label system; dictionary unit; loan words.

УДК 81

В статье характеризуется живописный художественный экфрасис на материале повестей-экфрасисов XIX в. в лингвистическом аспекте; описаны языковые средства изображения «иномирности происходящего», в числе которых – репрезентанты функционально-семантической категории невыразимого; определена роль игры на омонимии в названиях анализируемых произведений; выявлены и описаны лексико-семантические группы, раскрывающие смысл названия повести Н. Лескова «Запечатленный ангел»; показано, как Н. Лесков следует традициям М. Лермонтова в применении сходных средств выразительности.

Ключевые слова и фразы: экфрасис; функционально-семантическая категория невыразимого; игра на омонимии; языковая игра в названии текста; лексико-семантические группы.

Михайлова Марина Юрьевна, к. пед. н., доцент
Самарский государственный социально-педагогический университет
Marinamikhailova44@gmail.com

ЖИВОПИСЦЫ, ОКУНИТЕ ВАШИ КИСТИ: ЖИВОПИСНЫЙ ЭКФРАСИС В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КЛЮЧЕ

Предметом изучения в настоящей статье является специфика языковых средств описания в экфрасисах повестей XIX в. М. Лермонтова «Штосс» и Н. Лескова «Запечатленный ангел». Сюжет обеих повестей разворачивается вокруг визуального артефакта (картины и иконы). На основании сходства ряда черт, свойственных русской прозе XIX в., такие произведения в современной филологии характеризуют как повесть-экфрасис [12].

Экфрасисом в теории литературоведения называют словесное описание визуального артефакта. В сходных случаях в лингвистике говорят об аллюзии (дословно – намёке), так возможны аллюзии на известную картину. Аллюзии соотносятся с реминисценцией (дословно – припоминанием), элементом художественной системы, основанном на мотиве ранее известных произведений. Изображение одного произведения в другом, текст в тексте исследует теория интертекстуальности. Однако вышеназванные лингвистические термины ориентированы на несколько другие задачи, нежели изучение специфики словесного выражения визуальных артефактов в тексте.

Между тем литературоведческая теория экфрасиса в настоящее время располагает достаточно развитым понятийным аппаратом, методологией и различными классификациями экфрасиса, что делает удобным применение теории экфрасиса в лингвистическом ключе. В нашем исследовании характеризуется живописный по функционально-стилевой разновидности текста, живописный по виду искусства, рассредоточенный по месту композиции в тексте, сюжетобразующий по функции экфрасис двух повестей, а также языковые средства, описывающие живописные артефакты.

Экфрасис относится к такому функционально-смысловому типу речи как описание. Поэтика и эстетика русского художественного романтизма XIX в. была основана на концепции «двоемирия», описании сфер сакрального и обыденного, их сложного взаимодействия. Экфрасисы, в частности, отражали названную концепцию «двоемирия» [10].

Цель настоящего исследования – определить, какова лингвистическая специфика средств описания в экфрасисах анализируемых повестей. Наше исследование показало, что в числе средств описания в экфрасисе представлены и репрезентанты функционально-семантической категории невыразимого (ФСКН). Невыразимое как функционально-семантическая категория обладает самостоятельным значением и системой равноуровневых средств передачи, которые иерархически организованы [2; 9; 14]. Грамматическим стержнем ФСКН

является категория отрицания. Как отмечает А. А. Калинина, категория отрицания располагает собственным формальным средством выражения – «отрицательным формантом» (частица *не* и её грамматические аналоги) [3, с. 247]. Репрезентанты ФСКН также содержат отрицательный формант, например: *невыразимое; слов нет; несказанное; сказать не могу, как...* и т.п.

Средства выражения ФСКН в экфрасисах повести «Запечатленный ангел» относятся к сфере сакрального, описанию икон, происшествий, связанных с иконой, или христианских рассуждений:

Особенно же были при нас две иконы, одна с греческих переводов старых московских царских мастеров: пресвятая владычица в саду молится, а перед ней все деревья кипарисы и олинфы до земли преклоняются, а другая ангел-хранитель, Строганова дела. Изреци нельзя, что это было за искусство в сих обеих святынях [8]!

Заметим, что сакральная нагрузка увеличивается в средстве выражения ФСКН благодаря тому, что репрезентант невыразимого является церковнославянизмом. Следующий пример содержит живописный экфрасис, передающий описание в динамике:

*Милостивые государи, вы на меня не посетуйте, что и **пробовать не могу описать** вам, что тут произошло, когда барин излил кипящую смоляную струю на лик ангела (...) Помню только, что пресветлый лик этот божественный был красен и запечатлен, а из-под печати олифа, которая под огневою смолой самую малость сверху растаяла, струилась вниз двумя потеками, как кровь, в слезе растворенная* [Там же]...

Иногда средство передачи ФСКН следует за рядом живописных экфрасисов, например:

[Рассказчик в беседе с англичанином об иконах] (...) *такое изображение явственно душе говорит, что христианину надлежит молить и жаждать, дабы от земли к **неизреченной** славе бога вознестись* [Там же].

Как показал лингвистический анализ, репрезентантам ФСКН свойственно кластерное бытование в художественном тексте, то есть во взаимодействии со средствами выражения других, сходных функционально-семантических категорий непостижимого и незримого, см. пример из повести М. Лермонтова «Штосс»:

*Не случалось ли вам на замороженном стекле или в зубчатой тени, случайно брошенной на стену каким-нибудь предметом, различать профиль человеческого лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить их на бумагу! Вам не удастся; попробуйте на стене обрисовать карандашом силуэт, вас так сильно поразивший, – и очарование исчезает; рука человека никогда с намерением не произведет этих линий; математически малое отступление – и прежнее выражение погибло невозвратно. В лице портрета дышало именно то **неизъяснимое**, возможное только гению или случаю* [7].

Экфрасис содержит средства передачи категории непостижимого (*невообразимый, непостижимый*) и ФСКН (*неизъяснимое*). Ср. с примером кластерного бытования средства ФСКН и категории непостижимого из повести Н. Лескова «Запечатленный ангел»:

[Авторизованный рассказчик в лесу сквозь сон наблюдает действия старца Памвы:] (...) *а потом вдруг будто начал слышаться разговор, и какой... самый **необъяснимый**: будто вошёл к старцу Левонтий, и они говорят о вере, но **без слов**, а так, смотря друг на друга и понимают* [8].

Возвращаясь к характеристике специфики средств описания в экфрасисах в анализируемых повестях, отметим, что семантически первые ориентированы на изображение «двоемирия»: мира профанного, с одной стороны, и фантастического (в повести М. Лермонтова) или божественного (в повести Н. Лескова), с другой стороны. Языковые средства изображения в экфрасисах обеих повестьей также распределяются в соответствии с изображением «двоемирия». Экфрасисы в анализируемых повестях выполняют сюжетобразующую функцию. Говоря о сюжетобразующей роли иконичного образа в повести «Запечатленный ангел», Я. В. Сенькина замечает, что «Лесков добивается результата, сходного с впечатлением, производимым языком иконы: в повести подчёркнута не только историчность, но и вневременная иномирность происходящего» [11, с. 8]. В изображении «иномирности происходящего» принимают участие средства передачи ФСКН и дескрипции живописного экфрасиса.

Показательно, что помимо вышеназванных языковых средств изображение «иномирности происходящего» дополняется приёмом игры на омонимии в названиях повестей-экфрасисов. Название повести М. Лермонтова «Штосс» соотносится с омофонами «Что-с?» – переспрашивает старик-приведение, пришедший к художнику из портрета, и «штосс» как название карточной игры, в которую играют персонажи [4, с. 106].

Однако игра на омонимии в сильной текстовой позиции – названии – наблюдается и в названии повести Н. Лескова. Номинация «Запечатленный ангел» строится на обыгрывании омонимии *запечатлеть* и *запечатывать*. Согласно академическому «Словарю русского языка», «запечатлеть – 1. Передать, воплотить в чем-л. 2. Закрепить, сохранить (в памяти). 3. Отметить, ознаменовать чем.-л.», а «запечатать – 1. Наложить печать; закрыть что-л., наложив печать. 2. Закрыв (конверт), заклеить. 3. Наложить печать, запретив пользоваться чем-л.; опечатать» [1, с. 555].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «запечатывать» и «запечатлевать» даются в одной словарной статье, то есть *запечатлеть* и *запечатывать* представлены как разные лексико-семантические варианты многозначного слова. В. И. Даль отмечает: «Запечатывать – закрыть, завернуть и приложить печать; // покрыть печатью, печатанными словами, строками. Запечатлевать, запечатлеть. В переносн. знач. Укрепить, утвердить в уме, в памяти, в сердце; повершить и доказать на деле каким-либо поступком. **Запечатлей** в сердце своем страх Божий. Верность свою **запечатлел** он кровью своею» [Там же, с. 614]. В современных литературоведческих исследованиях также часто название повести Н. Лескова характеризуется как «игра на многозначности», однако точнее говорить об игре на омонимии.

Символический смысл слова *запечатленный* в повести Н. Лескова Я. В. Сенькина раскрывает, обратившись к библейским текстам и аналогиям с апокрифами и текстами «мужей апостольских». Исследовательница

замечает, что восхождение смыслов слова *печать* от Ветхого Завета к Новому имеет параллели в повести. «Как и в событиях Воскресения Христова, в ней все человеческие расчёты оказываются разрушенными; печать, во всех её смыслах, оказывается снятой. Все равно, как долго была печать на лице ангела, главное – что именно с целью “взыскания человека” она была наложена. Так и камень с печатью оказывается отваленным от двери Гроба Господня, чтобы вся Вселенная в любви Бога к людям увидела Лик Христа Воскресшего» [11, с. 17-18].

Как показало наше исследование, в раскрытии смысла повести Н. Лескова также принимает участие взаимодействие лексико-семантических групп слов *запечатлеть*, *запечатать*, с одной стороны, и *явиться*, с другой.

В борьбе со староверами изображение ангела на старообрядческой иконе жандармы *запечатали* сургучной арестантской печатью. Раскалённый сургуч всё же не смог испортить крепкое старообрядческое письмо на иконе. Воплощённого (запечатленного на иконе) ангела благодаря борьбе старообрядцев за свою икону удалось полностью восстановить. Мотив воплощения и развоплощения (запечатления и распечатления) развивается в тексте повести в разных планах повествования, сакральном и профанном.

Сначала конфликт развивается в профанном плане: «Доподлинно не знаю, а слышно, что-то там с баринном жиды неловкое дело устроили». (...) «Слыхал-де, – говорит, как будто барин их *запечатал*, они его *запечатлели*». Но как они друг друга *запечатали*, ничего вразумительно рассказать не может.

Оказывается, что барин (...) *приехал туда поздно ночью, когда никто о нём не думал, да прямо все до одной лавки и *опечатал* и дал знать полиции, что завтра утром с ревизией пойдёт* [8].

В дальнейшем интрига разворачивается вокруг махинаций с *опечатанными* для ревизии лавками с товарами. Жандармы забирают у староверов иконы, *запечатывают* иконы сургучом и сваливают в подвал.

Икона с ангелом производит впечатление на архиерея, он говорит:

*Смятенный вид! Как ужасно его *изнеявствовали** [Там же]!

Так в повесть-экфрасис вводится вторая лексико-семантическая группа с доминантой *явиться*.

В дальнейшем тексте повести обе группы *явиться* и *запечатлеть*, а также группа с омонимом *запечатать* вступают во взаимодействие. Староверы страдают: *доколе священный для нас лик ангела везде нам предходящего находится в огнесмольном *запечатлении*, мы ничем не можем утешиться* (...) [Там же]. Они решают икону с изображением ангела подменить – «красть и распечатать».

Слова из лексико-семантической группы *явиться* применяются в дескрипциях сферы сакрального, в частности, при описании старца Памвы: *Ах, сколь хорош! Ах, сколь духовен! Точно ангел предо мною сидит и лоптки плетёт, для простого себя миру *явления** [Там же].

Старец Памва говорит авторизованному рассказчику Маркуше: «Ангел в душе живёт, но *запечатлён*, а любовь освободит его» [Там же].

Лексико-семантические группы *запечатлеть* и омонимическая *запечатать*, а также *явиться* представлены в дальнейшем тексте повести-экфрасиса при описании решения староверов спасти осквернённую икону ангела:

(...) *и едва лишь тут только поняли, к чему и куда всех нас наш *запечатленный* ангел вёл, пролил сначала свои стопы и потом *распечатлевшись* ради любви к людям, *явленной* в сию страшную ночь* [Там же]. Языковые единицы лексико-семантических групп *запечатлеть*, *запечатать* и *явиться* актуализируют содержательно-концептуальную информацию текста, вынесенную уже в название повести-экфрасиса.

Игру на омонимии исследователи, как правило, связывают с комическим (юмористическим) эффектом, ориентацией на развлечение адресата речи. Между тем, как показал осуществлённый нами анализ, игра на омонимии способна существенно углублять смысл художественного произведения, актуализировать ориентацию языковых средств на изображение «иномирности происходящего», участвовать в передаче содержательно-концептуальной информации текста.

Полагаем, что языковую игру на основе омонимов в названиях повестей-экфрасисов можно охарактеризовать как частное проявление обнаруженного исследователями «внутреннего диалога» Н. Лескова с М. Лермонтовым (о продолжении традиций М. Лермонтова в творчестве Н. Лескова см.: [5, с. 10; 6]).

Подводя итог исследования средств изображения в повестях-экфрасисах М. Лермонтова и Н. Лескова, заметим, что живописные художественные экфрасисы в анализируемых произведениях выполняют сюжетообразующую функцию, содержат средства передачи функционально-семантической категории невыразимого. Достаточно часто средства выражения ФСКН представлены в художественном тексте кластерно, в совокупности со средствами выражения категории непостижимого. Игра на омонимии в названиях повестей-экфрасисов углубляет содержание текстов, актуализирует содержательно-концептуальную информацию, ориентирована на изображение «иномирности происходящего».

Список литературы

1. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с.
2. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: Флинта, 2015. 328 с.
3. Калинин А. А. Утверждение / отрицание как многоаспектная категория языка и речи. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. 272 с.
4. Кривонос В. Ш. «Штосс» М. Ю. Лермонтова: обрыв текста или обрыв сюжета? // Новый филологический вестник. 2010. № 4 (15). С. 102-110.
5. Леденева В. В. Прецедентное имя Лермонтов в текстах Н. С. Лескова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2014. № 4. С. 8-13.

6. Леденева В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
7. Лермонтов М. Ю. Штосс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/1150/p.1/index.html> (дата обращения: 16.05.2016).
8. Лесков Н. С. Запечатленный ангел [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksqid.com/content/8B/nikolay-leskov-zapchatlennyy-angel/1.html> (дата обращения: 16.05.2016).
9. Михайлова М. Ю. Репрезентация семантики невыразимого в разных языках // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). С. 19-21.
10. Морозова Н. Г. Экфрасис в прозе русского романтизма: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2006. 20 с.
11. Сенькина Я. В. Поэтика иконичности в повести Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2013. 19 с.
12. Склемина С. М. «Неупиваемая Чаша» И. С. Шмелёва: поэтика жанра и традиции русской классики XIX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 20 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.
14. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГУ, 2009. С. 294-295.

PAINTERS, DIP YOUR BRUSHES: PICTURESQUE ECOPHRASIS IN THE LINGUISTIC VEIN

Mikhailova Marina Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
 Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
 Marinamikhailova44@gmail.com

The paper characterizes picturesque artistic ecphrasis in the linguistic aspect by the material of the stories-ecphrases of the XIX century; describes the linguistic means of depicting the “other-world character of things taking place”, among which one can name the representatives of the functional-semantic category of the inexpressible; determines the role of game with homonyms in the titles of the analyzed works; identifies and describes lexical-semantic groups revealing the meaning of the title of the story by N. Leskov *The Sealed Angel*; it is shown how N. Leskov followed the traditions of M. Lermontov concerning the use of similar expressive means.

Key words and phrases: ecphrasis; functional-semantic category of inexpressible; game with homonyms; language game in title of text; lexical-semantic groups.

УДК 81'25

Целью исследования является анализ семантических сдвигов и переносов, обусловивших появление целого ряда эвфемизмов в современном английском языке. Отмечается, что эвфемизмы в современном английском языке – это большой пласт лексики, который постоянно пополняется. Процесс эвфемизации обеспечивается преобразованиями на морфологическом уровне вследствие семантической деривации. Наиболее продуктивные модели в настоящее время – метафорические переносы (гастрономическая и зоометафора), а также энантиосемия. Среди семантических сдвигов стоит отметить использование слов широкой семантики для обозначения вполне конкретных явлений и объектов.

Ключевые слова и фразы: эвфемизмы; способы образования; семантические сдвиги и переносы; семантическая деривация; метафорический перенос.

Мишутинская Елена Алексеевна, к. филол. н., доцент
 Злобина Ирина Сергеевна, к. филос. н., доцент
 Свицова Анна Альбертовна, к. филол. н., доцент
 Вятский государственный университет
 elenamishutinskaya@yandex.ru; zlo-irina@yandex.ru; vsu_pon-ko@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ СПОСОБОВ СОЗДАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

Эвфемизация – появление многочисленных выражений, целью которых является смягчить, завуалировать грубое, непристойное или недопустимое в данном обществе слово – активно используется во многих сферах: религия, образование, политика, секс, человеческое тело, болезни, запахи, бизнес и другие. В английском языке новые эвфемистические единицы возникают как на основе морфологических преобразований (словосложение: *chronologically-challenged* / опоздавший, *layoff* / сокращение кадров на производстве, *peacekeepers* / миротворцы, *animal confinement operator* / фермер, а *concentration problem* / невнимательность, *community treatment center* / тюрьма; деривация: *advantaged*, *overprivileged* / богатый, *disadvantaged*, *underprivileged*, *underdeveloped* / бедный, *affordable* / дешёвый, *redeployed* / уволенный сотрудник, *pre-driven* / не новый (об автомобиле), *misspeak* / лгать) (здесь и далее примеры из [7]), так и благодаря семантическим изменениям в структуре уже существующих слов. Данная работа ставит целью анализ семантических сдвигов и переносов, обусловивших появление целого ряда эвфемизмов в современном английском языке.